

Уже два года на русском Донбассе идёт война. Поначалу для нас – жителей России – обжигающая, невозможная, потусторонняя по своей жестокости и бессмысленности, потом всё более и более привычная, а сегодня, боюсь, и вовсе подзабытая под убаюкивающие фразы о «мирных договорённостях» и «прекращении огня».

Хотя огонь, как мы знаем, не прекращался ни на один день. В том числе – огонь по городам и посёлкам Донбасса, по старикам и детям. Мы это знаем, но охотно «забываем» за собственными проблемами, экономическим кризисом, ежедневными делами...

Так проще – забыть... И очнуться от своего забвения только тогда, когда враг будет под стенами Москвы... Потому что русский Донбасс – это тоже наша «собственная проблема», потому что вражеские танки, которые утюжат предместья Луганска и Донецка, если их не остановить – не остановятся под Ростовом и Курском и пойдут дальше. Мы это уже проходили. Тысячу лет проходим. И направление главного удара – с Запада на Русь – ни разу не изменялось. Со времён Ярослава Мудрого...

Эта война закамуфлирована под «гражданскую», потому что воюют граждане одной якобы страны (каким бы недоразумением длиной в 20 лет эта страна нам ни казалась), но мы-то знаем, что перед нами странная, нелепая, но от этого не менее агрессивная реинкарнация всё той же старой Гегелевской идеи о «превосходстве западного духа» над «восточными варварами». Идея, каким-то непостижимым образом укоренившаяся и пустившая множественные метастазы в мозгах прикарпатских хуторян, черниговских пасечников и киевских офисных работников. Усиленно подпитываемая с Запада. Хорошо известная русским людям под прозвищем «фашизм»...

* * *

Однако пьеса известного луганского писателя Глеба Боброва, которую мы сегодня представляем читателю, не совсем об этой войне – хотя её страницы буквально обжигают нас жуткими и правдивыми подробностями и приметами идущей на русском Донбассе войны. Она о том, как простые, ничем не выдающиеся жители в кои-то веки независимой Украины, герои пьесы «Оглашение Крама», ещё задолго до начала войны своими жизнями, своими поступками день за днём приближали эту катастрофу, этот собственный судный день.

И внезапное, оглушающее понимание этого приходит к ним... в камере смертников. Глеб Бобров задаёт своим героям классическую

экзистенциалистскую ситуацию, по Карлу Ясперсу – ситуацию «вины» и «смерти». Когда человек, вырванный из ежедневного оупляющего мельтешения и водоворота событий, оказывается перед самим собой, таким, какой он есть на самом деле. И задаёт себе самые последние вопросы.

Только ответ на эти вопросы русский писатель даёт совершенно не характерный для экзистенциалистской (западной) традиции, зато – совершенно традиционный для русской – что одно и то же – православной литературы.

И вместо ужаса и смертельного уныния – неизбежного в ситуации чудовищного человеческого одиночества перед смертью – это столкновение героев пьесы с самими собой и собственными (прожитыми, как оказывается, уже) жизнями становится их исповедью и напутствием в жизнь вечную.

Отсюда и название пьесы – «Оглашение». Вслед за оглашением в Церкви Христовой, как мы знаем, следует крещение. И если блаженной памяти старец Иоанн Крестьянкин считал, что дети, убиваемые в абортах, проходят крещение кровью, то и мы, вслед за автором, будем верить, что герои пьесы, луганские ополченцы, попавшие в плен к украинским нацистам, принимают крещение смертью. В мире – будем помнить об этом, где смерти нет!
